

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ФЕРРАРИ

СТР.8-11

СТР.4-7

РАДИОНИЯНЬ

№29 (162)
ИЮЛЬ 2023

СТР.14-15

ЮРИЙ
МОРФЕССИ -
«БАЯН РУССКОЙ
ПЕСНИ»

ВОТ ТАКАЯ БАЙДА

СТР.16-17

ЗВЕЗДНЫЙ «ФОРСАЖ»:^{СТР.20}
С ЧЕГО НАЧИНАЛ ВИН ДИЗЕЛЬ

РАДИОНЯНЬ

Геннадий Норд

Он родился в 1933 году. Учился в 1-м Московском медицинском институте, где участвовал в студенческой художественной самодеятельности. Там же сложится его дуэт с Александром Лившицем, с которым они работали на пропаганду многих лет.

После окончания института в 1957 году стал артистом Мосэстрады.

Он - один из создателей знаменитой «Радионяни», которую с 1970 года много лет вел вместе с Лившицем и Николаем Литвиновым. Передача была безумно популярна потому, что в ней в шутливой форме объяснялись правила грамматики, математики, хорошего поведения.

В 1980-е годы он начал работать на эстраде как режиссер. А в 1988 году создал Московский еврейский театр «Шалом».

О ком я говорю? Конечно же, о самом веселом конферансье Александре Левенбуке.

Наш разговор с ним о «Радионянне», о театре, об эстраде, об ушедших друзьях...

- Все проходит, и это уйдет, как скажет Экклезиаст.

- При этом еще и все уходят. Но «бессмертные» остаются с нами. Остаются навсегда. Не согти за пафос. Вот недавно ушел Юз Ашкеназий. Такая длинная жизнь, начавшаяся еще до войны. А ты знаешь, как он умел рассказывать? Так увлекательно, как никто друг-

В радиостудии

гой не умел. Хотя из трех слов два были матом. Но слова Юза, его эпитеты, они были изумительными, он умел их подбирать совершенно безупречно, безукоризненно, точнее было уже просто нельзя, просто невозможно. Он умел найти слова.

- А Марина Гольдовская?

- Она - выдающийся режиссер была, совершенный уникальный мастер документального портрета и очаровательный скромный человек в жизни. И много-много лет тому назад она снимала гастро Камерного еврейского музыкального театра в Европе и Америке, а я для т-

атра ставил шоу «Тум-балалайка». Так мы познакомились. После чего, вместе с Хайтом, я носил камеру Марине - она была очень тяжелая.

- Говорят, ты дружил и с Сичкиным?

- Дружили - громко сказано, но много лет знали друг друга. А когда япервые в Америке записывалась на радио,

На обложке пластинки «Радионянь»: Александр Лифшиц, Николай Литвинов и Александр Левенбук

С Александром Лифшицем

то это тоже было вместе с Борей, после чего пили с ним кофе. Он был абсолютно уникален. Во-первых, он умел танцевать сидя, номер у него был такой, а, кроме того он рассказывал еще и истории собственного сочинения, полностью выдуманные, доводы при этом публику до гомерического хохота, так что ины вызывали скорую - правда! Однажды он, великий мастер розыгрыша, рассказал про то, как из Мавзолея вынесли Ленина и положили на его место Пахмутову...

- Уже смешно!

- Так в том и дело.

- Борис своей жизнью «оправдывал» своего самого знаменитого экранного героя, Бубу Кастрорского, из «Неуволовимых».

- Буба был одессит, а Боря был киевлянин по рождению, хотя принять его за одессита было очень легко, потому что по душе своей он, конечно же, был безусловный одессит.

- Красавец и франт!

- Да не было тогда никаких франтов на нашей эстраде. Интересный был внешне. Проходил любой кастинг путем танца, он же был прирожденный танцов, выступал даже в ансамбле Александрова. Его спрашивали:

- Сколько длится ваш номер?

Он отвечал:

- Без апплодисментов четыре минуты, а с апплодисментами - час сорок.

- За границу кто-то из эстрадных выезжал?

- Райкин, Пеха, Брунов. Да и мы с Лившицем выезжали в Латинскую Америку, в Африку.

- Какое воспоминание самое яркое в жизни?

- Эквадор. Огромный кинотеатр. Больше тысячи народу и в основном, почему-то, мужчины. И мы с Лившицем. Показывают «Скрипача на крыше» с Хаймом Тополем в главной роли. А он был лучший Тевье. И вот финал. Тевье предупрежден о погроме. Он совсем грустный, уходит, ведет свой фургон. И вдруг, на крыше сараев, скрипач играет всемирно знаменитое «Был бы я богатым...». И Тевье улыбается, он расцветает. И латиноамериканский зал поднялся и взорвался... выдающимся! Весь зал рыдал. Потому что в трудную минуту жизни каждый чувствует себя евреем.

- Вы свой «Радионянь» для многих создали счастливое детство.

- Был я в Израиле на гастролях. Утром выхожу на берег моря в Нетании. Странушки водят хоровод в воде, поют «С голубого ручейка начинается река». Одна вылезает, видит меня:

- О, я на вашей «Радионянне» выросла!

Я говорю:

- А мне тогда сколько лет?

- Как еврейские родители могли позволить сыну променять стабильную иуважаемую профессию врача на сопение и исполнение всяких хохмочек?

МОНО

33 MZ-40089-90

- Знаешь, я сам удивляюсь. Мама - врач, сестра старшая и любимая - врач очень большой, папа у меня был не врачом, но педагогом. При этом, когда я пошел в артисты, не было никаких возражений. Единственное, папа говорил:

- Ой, профессия у тебя, как мороженщица, зависит от погоды!

- Ты учился в Первом меде?

- Да, вместе с Аркадием Аркановым. Он тогда был Штейнбок. А на шесть лет позже пришел Гриша Горин, Офштейн была его фамилия. Когда они кого-то звали, говорили:

- Иди к нам в медицинский, у нас таких берут.

В то время у евреев трудностей с поступлением не было. Я, кстати, и сейчас считаю, что мне с образованием повезло, все-таки, это наука очень важная - медицина. Я свое образование не поменял бы ни на какое другое, даже на театральное.

У нас была компания - Кандель, Успенский, Хайт, Курляндский, Танич. Все состоялись, стали большими писателями, авторами. Меня они просили искать недостатки в текстах. Если я этого не делал, мне не наливали.

- Жестоко. А вообще, юмористами рождаются или становятся?

- Становятся, конечно. Но и наоборот бывает. Вот Феликс Кандель - замечательный израильский писатель. Написал шесть томов истории евреев России, массу произведений очень серьезных. А начинал как юморист, автор «Ну, погоди!», был замечательным эстрадным автором. И Шолом-Алейхем такой. Это нормально. Называется - трагикомедия нашей жизни.

- В титрах к «Ну, погоди!» Кандель значится Камовым. Как тебе и твоему творческому партнеру по «Радионяне» и другим проектам удалось оставаться Левенбуком и Лившицем?

- Знаешь, во-первых, не нам одним удалось. Арканов и Горин стали такими на радио, где взяли и перестали их объявлять как Штейнбока и Офштейна. А у нас таких проблем не было, зрителям все равно, кто ты:

- Если ты смешно рассказываешь, я куплю билет.

И потом, в эстраде было привычным делом, что евреи шутят. Поэтому мы не стеснялись. Но когда первый раз собирались в заграничную поездку, нам прямо сказали:

- Ребята, вот будет в группе поменьше евреев, и вы поедете.

- На той же «Радионяне» евреев более чем хватало: сценарист Хайт, композитор Шаинский. Родители юных слушателей на сионистский заговор не жаловались?

- Один сигнал был, но событий из него не разрослось. Нам с «Радионяней» повезло. Сергей Лапин, председатель Госкомитета по телек- и радиовещанию, не скрывал своего антисемитизма. А вот Брежnev наша передача нравилась, он внуки пластинки дарил. От него звонили, спрашивали, когда следующая пластинка «Радионяни» выйдет. И поэтому, как говорил Хайт, «Радионяня» была в теплой ванночке.

Сценарии первых четырех передач сочинял Эдуард Успенский. А потом 20 лет их писал Хайт. Мы работали вместе: я сидел и убеждал Хайта, что он это может сделать. Хайт диктовал, я печатал, потом относили тексты на радио. Получасовую передачу мы записывали подряд.

- Как тебе работалось с Успенским? У Эдика был непростой характер.

- Мне трудно говорить, потому что у нас со студенческой скамьи были более чем дружеские отношения. Мы Эдика нашли, когда он оканчивал Авиационный институт. Он писал капустник вместе с Канделем, и мы пригласили их сочинять для нас. Они это начали делать сразу хорошо, поэтому мы подружились. Бывали и конфликты с Эдиком, но он очень быстро мирился, он это умел делать замечательно. Он не злобный был, он добрый. Да, судился с некоторыми, но почти всегда выигрывал. Следовательно, был прав. Он был человеком, который борется за свои права, а не скандалистом. Между прочим, Эдуард Успенский помог-

С Аркадием Аркановым

С Аллой Пугачевой

С Геннадием Нордом

Окончание. Начало на с.5

гал театру «Шалом» материально, причем по еврейской высшей традиции благотворительности, абсолютно без пиара.

- У «Радионяни» рейтинг был запредельным, письма, наверное, ящиками приходили. Как дети обращались к вам?

- В основном, «Дорогая Радионяня». Два письма особо запомнились. Первое: «Дорогая Радионяня, я толстый. Я переходил из одной школы в другую. Как только подумаю о том, что меня начнут дразнить, жить не хочется. Здесь я был с тобой, а там ты меня не бросишь?»

Мы ему написали: «Ты приди, и как только войдешь в класс, скажи:

- Толстый!

Им нечего будет добавить».

Потом он ответил:

- Спасибо, я так и сделал.

Второе письмо: «Дорогая Радионяня, из того, что ты передаешь, я понял, что надо быть добрым ко всем: и к русским, и к татарам, и даже к евреям». Хороший мальчик написал, неиспорченный.

- В конце 70-х твой партнер Александр Лившиц уехал в Америку. Проблем у передачи не возникло?

- На радио он просто выпал, пришлось его коллеги переписывать. На место Саши Лившица пришел Лев Шимелов, потом Володя Винокур. В «Радионяне» же многие уроки повторялись. И раз Лившиц уехал, его голос звучать не мог.

- Потому что эмигрант, предатель?

- Да, и поэтому записывался другой человек. Слава Б-гу, оригиналы сохранились, и многое удалось восстановить. Сегодня в дисках «Радионяни», которые мы выпустили, везде, в основном, Лившиц.

На эстраде нам приходилось изобретать самые разные формы диалогов, сцен. Лившиц потом из Америки написал: «Здесь огромное количество юмористов, но вот я уже пять лет живу и ни разу не видел чего-то такого, чего бы я не знал». Потому что голь на выдумки хитра.

- С цензором приходилось сталкиваться?

- Периодически. Кандель и Успенский сочинили для нашего эстрадного дуэта сказку: «Жили-были три брата. Первый брат запускал спутники, второй брат ва-

рил сталь, а третий получал по двадцать два поросенка от одной свиноматки». Дальше шел фельетон.

Сразу зарубили: третий брат, который традиционно - дурак, занимается сельским хозяйством? Нехорошо.

Приходилось приспособливаться. Танич пошел со мной в музей прикладного искусства, а в этот день там никого не было. Ходили Лившиц, я, Танич и четыре немца. Склонились, смотрим какую-то холсту и гжель. Подходит дежурная по залу:

- Вы советские?

Танич отвечает:

- Не очень.

- Почему среди артистов разговорного жанра было много врачей и инженеров, мы уже разобрались: капустники виноваты. А почему в жан-

ре юмора непропорционально много евреев?

- Это надо спросить у еврейского народа. Как в песне Михаила Танича поется: «Мы дали миру много комиссаров, но, славу Б-гу, больше скрипачей».

Поэтому и юмористов евреи дали больше других. Такая жизнь. Юмор спасал наш народ. И продолжает если не спасать, так укреплять.

- Как возник театр «Шалом»?

- В Москонцерте, где мы работали, существовал маленький драматический ансамбль. Это были скоморохи театра Михоэлса. Через 13 лет после разгрома ГОСЕТ Москонцерт разрешил существование такого маленького ансамбля. Они работали еле-еле, в основном, для вида. Вот мы и решили сделать из этого ансамбля театр.

С Николаем Тамразовым

В это время в Биробиджанском театре я был режиссером одного спектакля. Одного-единственного, такого концертного шоу, которое называлось «Тумбалалаika и другие еврейские песни». Мы с ним съездили в несколько стран Европы, потом в Америку. И вот мне предложили...

- Кто именно?

- Один очаровательный полковник КГБ, с ответственностью говорю это, которому оба еврейских театра - и биробиджанский, и наш московский, покизненно обязаны, сказал:

- Левенбук не согласится, он же не идет от.

Он ошибся насчет «не идент», я согласился. И вот с тех пор я много лет был худруком театра «Шалом».

- Откуда берется репертуар для современного еврейского театра? Можно один раз «Тумбалалаiku» спеть, потому Бабеля поставить. А дальше?

- С Бабелем как раз проблема. Он писал не про евреев, а про одеситов. Есть разница. Нам опять повезло, у нас самый большой в мире репертуар в еврейском театре. У нас были Хайт, Кандель, Шайнский, потом появились Фима Смолин, Толя Трушин. Ну, и, конечно, наши оставались и Шолом-Алейхем, и Фейнштейн, и Исаак Башевис-Зингер.

- А западный репертуар?

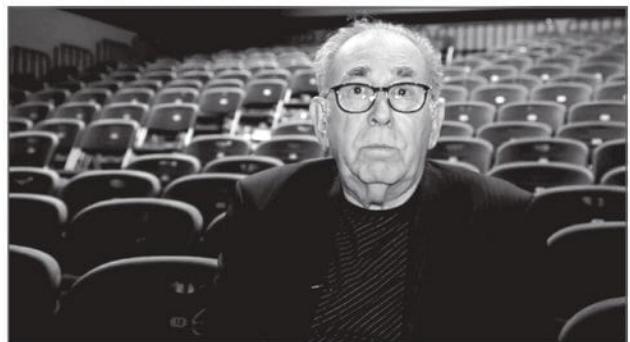
- Западный репертуар, как правило, нам не годится. И надо сказать, израильский тоже, потому что израильтяне живут в своей стране. У них проблемы общечеловеческие, израильские, но это нельзя назвать еврейскими проблемами, я бы так сказал. А еврейский театр внутри России должен все-таки заниматься еврейской жизнью, еврейской историей, еврейскими вопросами, взаимоотношениями евреев с неевреями, взаимоотношениями евреев друг с другом, ассимиляцией и так далее.

- Ты сам национальную квалификацию, если так можно выразиться, каким образом и когда повышал? Наверное, в семье что-то сохранилось?

- Ничего я не знал, понятия не имел. Знал несколько слов на идише, которые папа дома говорил.

Мне повезло. В нашем помещении разместился Ваад (Конфедерация еврейских организаций и общин СССР) во главе с Михаилом Членовым, и там были замечательные ребята. Сам Членов, Роман Спектор, Ирина Щербань, директор сегодняшнего Московского еврейского общественного дома. Я с ними каждый день консультировался.

Потом я начал что-то читать из еврейской литературы, а потом, поняв, что всего не прочту никогда, я придумал Карманную еврейскую энциклопедию. Михаил Членов ее написал, я до сих пор туда заглядываю. Это - маленькая

карманная книжечка, в которой масса основных понятий. И праздники, и традиционные понятия, и слова, которые широкая публика не знает. В общем, это учебное пособие для начинающих евреев. Мы издали, быстро тираж разошелся. Продавался по всей стране.

- Своим артистам раздел по экземпляру?

- В театре каждый впитывает в себя то, что он хочет. А попутно идет какое-то небольшое подтверждение. Один раз артист приехал с нами в Израиль, и его надо было отпускать в Москву. Мы ему говорим:

- Иди, купи билет и улетай.

Он возвращается:

- Ребята, здесь какой-то шаббат.

Мы посмеялись, но сегодня в театре уже такого нет. Хотя мы специальных лекций не читаем.

- Как выглядит целевая аудитория театра «Шалом»?

- Стенографически передаю разговор с моим любимым Валентином Гафтом.

Он:

- Народ-то ходит?

Я:

- Грех жаловаться.

Он:

- Публика еврейская или нормальная? У нас абсолютный интернационал в зале. Это вообще наша особенность. Нигде в еврейский театр кореец не приходит. А у нас висят фотографии: я и по бокам четыре студентки-корейки. И подписи «Зрители Еврейского театра». А когда спрашивают, почему, я отвечаю:

- Библия - еврейская книга, но для всех. И, знаешь, когда кончается спектакль - а в зале русские, корейцы, евреи, - все смотрят одинаковыми глазами и кричат: «Спасибо!», тогда все невзгоды и недовольство уходят и возвращаются здоровье и молодость.

- Ты составил сборник анекдотов, и не один. У тебя есть самый любимый анекдот?

- Сказать трудно. Вспомнился хороший анекдот, его в книжке нет.

Приходит старый еврей к раввину и ухасается:

- Ребе, в Торе есть 365 запретительных заповедей, а я многие не выполняю.

Тот говорит:

- Ничего страшного, я тоже две не выполняю.

- Какие?

Ребе вздыхает:

- Ну, когда как.

- Ты написал в книге о Людмиле Зыкиной. Как пересеклись?

- Была узкая компания, несколько артистов эстрады. Людмила Зыкина вдруг встала и начала произносить горячий тост за евреев. Я спросил:

- Люда, почему ты так хвалишь евреев? Неужели у нас какие-то сомнения в том, как к нам относишься?

Она говорит:

- Мы перед евреями в долгу, поэтому я так и говорю.

Она с любовью относилась к евреям, это нас и сблизило особенно. Она однажды в Кремлевском дворце ко мне бросилась:

- Алик, дорогой, прошу, дай мне слова «А идише мама», я в Израиль на гастроли еду.

Ну, нормально?

Она великая артистка и изумительная женщина. Я обожаю ее. И очень сожалею, что в последние годы Зыкину редко показывали. И на ее похоронах было не очень много народа.

- Как тебе кажется, еврейский юмор отличается от юмора других народов - английского или французского, к примеру?

- Наверное, отличается. Но я, как чело-

век, который всю жизнь этим занимался, хочу привести пример. Мультфильм «Ну, погоди!» - типично русская продукция, хотя и делали его евреи - Феликс Кандел (под псевдонимом Камов), Аркадий Хайт, Александр Курляндский; режиссер Котеночкин - русский. Этот фильм побил все рекорды кинокинопроката из Советского Союза. И во всех странах, включая Японию, народ смеялся в одних и тех же местах. Так что юмор, на мой взгляд, нужно делать не по национальному признаку, а по качеству.

Напоследок расскажу еще один анекдот.

Приходит еврей к раввину и говорит:

- Ребе, все плохо: жена болеет, сын вдоевщик, денег нет.

Ребе:

- Главное - не терять надежду. Повесь дома на стене слова «Так будет не всегда».

Тот так и сделал. Вскоре опять приходит кrebbe:

- Спасибо, все налаживается: жена поправилась, сын отличник, деньги появились. Может, уже снять эти слова со стены?

Ребе:

- Пусть висят.

Прощание с театром

Прощание с театром

Прощание с театром